

Николай Полевой

**«Сельский субботний вечер
в Шотландии». Вольное
подражание Р. Борнсу...**

Николай Алексеевич Полевой

**«Сельский субботний вечер
в Шотландии». Вольное
подражание Р. Борнсу И.
Козлова**

«Имя Борнса досель было неизвѣстно въ нашей Литтературѣ. Г. Козловъ первый знакомитъ Русскую публику съ симъ замѣчательнымъ поэтомъ. Прежде нежели скажемъ свое мнѣніе о семъ новомъ переводѣ нашего Пѣвца, постараемся познакомить читателей нашихъ съ сельскимъ Поэтомъ Шотландіи, однимъ изъ тѣхъ феноменовъ, которыхъ явленіе можно уподобишь молніи на вершинахъ пустынныхъ горъ...»

Содержание

***0005
Эпитафія пѣвцу0015

**Николай Алексеевич
Полевой**

**Сельскій Субботній вечеръ
въ Шотландіи. Вольное
подражаніе Р. Борнсу И.**

**Козлова. Спб. 1829. въ т. Деп.
Народн. Просв. 37 стр. in 16.**

***О жизни и сочиненіяхъ Р.
Борнса.***

Имя Борнса доселѣ было неизвѣстно въ нашей Литтературѣ. Г. Козловъ первый знакомитъ Русскую публику съ симъ замѣчательнымъ поэтомъ. Прежде нежели скажемъ свое мнѣніе о семъ новомъ переводѣ нашего Пѣвца, постараемся познакомить читателей нашихъ съ сельскимъ Поэтомъ Шотландіи, однимъ изъ тѣхъ феноменовъ, которыхъ явленіе можно уподобишь молніи на вершинахъ пустынныхъ горъ.

Робертъ Борнсъ (Burns), сынъ бѣднаго мызника, родился въ Эрскомъ округѣ, 25 Января 1759 года, на берегахъ Дуна въ Шотландіи. Отецъ его, раззорившись отъ неурожаевъ и пожаровъ, употребилъ остатки своего имѣнія на воспитаніе двухъ сыновей своихъ, Роберта и Гильберта. Но чѣмъ ограничилось сіе воспитаніе? Одинъ учитель, какой-то Мюрдокъ, научилъ ихъ Французскому языку, Англійской Грамматикѣ и стихосложенію. При этомъ поверхностномъ ученіи, юные дѣти мызника веди самую грубую сельскую жизнь: послѣ книгъ, они брались за серпъ

или соху старая, слѣпая тетка, сидя въ углу сельскаго домика ихъ, по вечерамъ разсказывала имъ длинныя лѣтописи Шотландскихъ суевѣрій. Она перебирала всѣхъ невидимыхъ проказниковъ, въ незапамятныя времена являвшихся въ пещерахъ, долинахъ, рѣкахъ, прудахъ и кустарникахъ тамошней стороны. Робертъ, слыша разсказы о страшныхъ Шотландскихъ лѣшихъ, домовыхъ, подземныхъ и рѣчныхъ привидѣнiяхъ, пугался и творилъ молитвы; Гильбертъ, болѣе разсудительный, и впослѣдствiи меньше славный и болѣе счастливый чѣмъ братъ его, слушалъ свою тетку и смѣялся надъ братомъ. Иногда учитель Мюрдокъ приносилъ имъ книгъ, и доброе семейство бывало въ восхищенiи отъ сего драгоцѣннаго подарка; въ зимнiе вечера онъ даже самъ читывалъ съ ними нѣкоторыя изъ драмъ Шекспира. Тутъ Робертъ, слушая однажды *Тита Андроника*, пьесу, почитаемую многими не Шекспировою, клялся, по одному собственному чувству, что эта пьеса дурна, и наконецъ, когда во второмъ явленiи пятаго дѣйствiя стражи приводятъ на сцену Лавинiю, героиню пьесы, и у Лавинiи уже

отрѣзаны руки и языкъ, а тиранъ спрашиваетъ у нее насмѣшливо: Не угодно-ли ей воды, умыть руки? девятилѣтній Борнсъ вскричалъ, что если учитель оставить у нихъ книгу, то онъ сожжетъ ее. Эта простодушная критика показывала въ ребенкѣ Робертѣ такой вкусъ и такую разборчивость, которой не доставало у знаменитаго Мадоны, и Стивенса и Джонсона, другихъ критиковъ Шекспира.

Но несчастіе тяготѣло надъ семействомъ Роберта Борнса. Неурожайный годъ и немилосердый хозяинъ мызы доведи отца его и все семейство до ужаснѣйшей бѣдности. «Три года, говоритъ Гильбертъ Борнсъ въ письмѣ о жизни своего брата, три года мы не видали въ нашей хижинѣ ни одного куска свѣжаго мяса.»

Бѣдное семейство боролось съ судьбою столь великодушно, что, казалось, оно было-бы достойно лучшей участи. Робертъ Борнсъ, самый могучій изъ всѣхъ юношей своего округа, работалъ съ утра до вечера, напѣвая старинныя Шотландскія пѣсни. Борнсу было шестнадцать лѣтъ, когда на сельскихъ работахъ онъ сыскалъ себѣ подругу.

Надобно знать, что въ Шотландіи есть обычаи, по которому молодые крестьяне и крестьянки соединяются парами для работъ въ полѣ и облегчаютъ взаимныя пруды. Подруга Борнса была, какъ онъ самъ говоритъ, тихая и самая скромная изъ всѣхъ дѣвушекъ Шотландскихъ: *a bonie, sweet, sonsie lass*. Эти прелестныя, простыя слова можно перевести по Русски такимъ образомъ: *пригожая, ласковая, миленькая дѣвушка*. Она была для Борнса первымъ вдохновеніемъ любви и стиховъ. Балладу его, или признаніе въ любви, повторяли всѣ окрестныя поселяне: поэтическое призваніе Борнса было рѣшено.

Послѣ продолжительныхъ и бесполезныхъ усилій возстановить свое маленькое благосостояніе, почтенный отецъ Борнса, преслѣдуемый исполнителями закона, долженъ былъ вскорѣ выдать заимодавцамъ весь свой домашній скарбъ, когда смерть, ускоренная горестью, вырвала его изъ объятія дѣтей. Они послѣдовали въ терпѣніи примѣру, показанному имъ отцомъ, и не были счастливые его. Покупка худыхъ хлѣбныхъ сѣменъ и пожаръ увеличили ихъ бѣдствіе. Къ

довершенію несчастія, предметъ первой любви Роберта Борнса, прелестная Марія, умерла. Молодой поэтъ, въ отчаяніи посвятилъ памяти ея стихи (To Mary in Heaven), по силѣ, чувству и страсти принадлежащіе къ высокой поэзіи.

Раззоренные братья заняли у одного богатаго сосѣда значительную сумму денегъ и сняли аренду въ другомъ мѣстѣ. Робертъ, таская плугъ, училъ наизусть народныя пѣсни, и исправлялъ старый слогъ ихъ, или сочинялъ новыя слова на древніе напѣвы. Одинъ годъ прошелъ подлѣ смерти *прекрасной дѣвы горъ* (Highland Mary). Непостоянная, пламенная чувствительность снѣдала Поэта втайнѣ, и вскорѣ Jeannie Armoг, дочь одного изъ окрестныхъ мызниковъ, сдѣлалась предметомъ страсти Шотландскіе поселяне представляютъ собою странное явленіе: это народъ дѣятельный, нравственный, трудолюбивый, извлекающій изъ неблагоприятной почвы немногія произведенія, грубыя обычаями и романическій своими склонностями, оставши отъ дневныхъ трудовъ, земледѣлецъ Шотландскій идетъ къ хижинѣ той, которую

онъ любить; дерзкой любви его не устрашаетъ ничто: ни всѣ ужасы сѣверной зимы, ни снѣгъ, падающій большими хлопками, ни вѣтръ, дующій бурными порывами, ни продолжительность дороги, ни ужасы ночи. Онъ робко стучится у дверей своей красавицы и ея вѣжливость или непреклонность составляетъ его счастье или приводятъ его въ отчаяніе. Такъ прелестная сцена *Ромео и Юліи*, вошедшая въ народный обычай Шотландскихъ пастуховъ, безпрестанно повторяется въ этомъ холодномъ климатѣ, у этого народа, который мы называемъ варварами. «Для насъ, бѣдныхъ крестьянъ, говоритъ Р. Борнсъ въ письмѣ къ Доктору Муру, любовь есть важнѣйшее дѣло въ жизни. Надежда, увидѣть на одну минуту свою возлюбленную, тайное свиданіе, сладостное *прости*, нѣжная улыбка: вотъ единственныя радости въ нашемъ бѣдномъ существованіи.» Этотъ обычай сельскихъ любовниковъ былъ для Борнса предметомъ многихъ небольшихъ поэмъ, прелестныхъ откровенною простотою и деревенскою истиною, въ нихъ между прочимъ. Изображалъ онъ и свою Дженни, которая, долго бывъ къ нему

жестокою, наконецъ впала въ заблужденіе. Строгая Кальвинистская церковь заставила ее въ продолженіе трехъ воскресенія слушать выговоры и увѣщанія пастора. Робертъ Борнсъ требовалъ руки Дженни, но отецъ не хотѣлъ, чтобы дочь его вышла за бѣдняка. Несчастный Борнсъ, растерзанный въ нѣжнѣйшихъ своихъ чувствахъ, готовъ былъ на дѣло отчаянное. Онъ записался на корабль, готовившійся къ отъѣзду въ Ямайку, и, для издержекъ, которыхъ требовали приготовленія къ отъѣзду, рѣшился издать свои многочисленныя баллады и поэмы на Шотландскомъ языкѣ, восхищавшія поселянъ.

Едва изданы были сіи стихотворенія, какъ во всей Шотландіи заговорили о необыкновенномъ Поэтѣ. Сила, прелесть, чувствительность оживляли его простые стихи, писанные на родномъ языкѣ Шотландцевъ. Удивлялись, какъ бѣдный поселянинъ умѣлъ извлечь изъ самыхъ простыхъ ощущеній сердца столь трогательную поэзію. Эта живая, полная, разнообразная веселость, эти сильные, возвышенные порывы, заимствованные изъ самы-

хъ простыхъ сценъ, сообщающіе прелесть всѣмъ движеніямъ риѳма свободнаго, сельскаго, восхитили Эдинбургскихъ ученыхъ. Меккензи, Дюгальдъ Стюартъ, Битти, Рамзей, люди высокаго достоинства и строгаго вкуса, распространили извѣстіе о семъ чудѣ въ Литтературѣ. По приглашенію Доктора Блеклока, Борнсъ пріѣхалъ и Эдинбургъ. Онъ былъ принятъ искренно, въ лучшее общество города, совершенно литтературнаго, Аѳинъ Великобританіи, давало праздники поселянину-поэту, который развязностью, природнымъ благородствомъ своего обращенія, огнемъ и острою своихъ разговоровъ, увеличилъ блескъ своего успѣха. Второе изданіе сочиненій его, умноженное новыми стихотвореніями, было тотчасъ раскуплено. Изъ пяти сотъ Фунтовъ стерлинговъ, вырученныхъ Борнсомъ, онъ послалъ двѣсти Фунтовъ своей старой матери, и снова предложило руку свою Дженни. Въ чемъ отказали бѣдному земледѣльцу, на то согласились для знаменитаго поэта.

Соединившись съ избранною имъ особою, Борнсъ купилъ мызу и началъ заботиться о

хозяйствѣ, но воспоминаніе о городѣ и непобѣдимое стремленіе къ Поэзіи, которая прославила его и доставила ему руку Дженни, вскорѣ отвратили Поэта отъ сельскихъ занятій. Мыза его пришла въ упадокъ и Борнсъ былъ принужденъ занять мѣсто чиновника при таможднѣ: эта обязанность, несообразная съ его природными склонностями, имѣла самое пагубное вліяніе на остальную жизнь его.

Онъ хотѣлъ обмануть себя, буйными удовольствіями и шумною радостью заглушая грусть своего положенія. Здоровье его разстроилось и, 15 Іюля 1796 года, онъ умеръ, тридцати осьми лѣтъ отъ роду, оставивъ бѣдную вдову, родившую сына въ самый день погребенія ея мужа. Сograждане Борнса изъявили печаль свою, сдѣлавъ ему великолѣпныя похороны, и берега Эра, прославленные Борнсомъ, покрылись безчисленнымъ множествомъ людей всѣхъ классовъ, пришедшихъ съ горъ и долинъ, проводить гробъ Шотландскаго Поэта.

Не лѣзя безъ горестнаго чувства вспомнишь о заблужденіяхъ, до коихъ унизился

Борнсь въ послѣднее время своей жизни. Дарованіе его еще цвѣло. Какъ-же могъ возвышенный Поэтъ забыть себя для грубыхъ радостей? Причину сего явленія можно открыть въ тайной борьбѣ его общественнаго положенія съ силами души, его пламенныхъ желаній съ безсиліемъ исполнить оныя. Онъ былъ чувствителенъ, неукротимъ, уступалъ своимъ страстямъ какъ волѣ судьбы, и дорого купилъ счастье двигать сердца людей и умереть славнымъ. Онъ видѣлъ свои заблужденія, укорялъ себя въ слабости, жалѣлъ о судьбѣ своей и не могъ ни возвыситься до степени, достойной его, ни бросить грубыя наслажденія, смущавшія его разсудокъ и усыплавшія въ немъ чувство горести. Онъ ввѣрилъ тайну своихъ угрызений и своихъ печалей собственной своей эпитафіи. Ее можно было-бы написать на гробницѣ большей части людей съ дарованіемъ, у коихъ способность чувствовать, любить и страдать беретъ верхъ надъ силою дѣятельности и постоянствомъ воли. Вотъ смыслъ сей эпитафіи:

Эпитафія пѣвцу

«Если буйство воды увлекаетъ тебя и твою образину одерживаетъ надъ тобою побѣду; если небо создало тебя столь пылкимъ, что ты не можешь размышлять, столь пламеннымъ, что ты не можешь носить цѣпей; если ты чувствуешь себя непокорнымъ и гордымъ, и не можешь ни ползать, ни молить: приближься, вотъ урокъ тебѣ! это могила одного изъ твоихъ братьевъ, столь-же ничтожнаго, столь-же безумнаго, какъ и ты. Приблизься, невольникъ своихъ помысловъ! приближься, гляди и плачь!»

«Ты родился поэтомъ и Муза твоя дика?... Ты страшишься толпы и въ пустынь повторяешь стихи, слагаемые тобою для собственнаго наслажденія?... Я, бѣдный пѣвецъ, молю тебя: не проходи мимо, не почтивъ меня сердечнымъ вздохомъ! Я жилъ, такъ-же какъ и ты. Я былъ поэтъ, и жизнь моя была продолжительное мученіе.»

«Хочу, чтобы ты остановился на этомъ дернѣ; хочу, чтобы примѣръ мой устрашилъ тебя. И я, какъ ты, давалъ благіе совѣты; я ру-

ководилъ другихъ, я заблуждался самъ. Я пробѣжалъ поприще жизни какъ упоенный: стремленіе моря не столь быстро, пламя не столь пожирающе! Дѣятельный умъ, строгая разборчивость, легкая чувствительность, все нѣжное дружбы, все огненное любви, все влекло меня къ одной гибели. Я палъ подъ ударами своихъ заблужденій: я обезславилъ свою славу.»

«Ты не безъ чувства слышишь голосъ поэта, уже не существующаго, ты, читающій сіи стихи: взоръ твой смущается, читая ихъ. Узнай послѣдній выводъ опытности человѣческой: кто не властелинъ своей души, тотъ будетъ невольникомъ судьбы. Корень добродѣтели одинъ: это благоразуміе въ жизни, это сила воли.»

Привыкнувъ судить о различныхъ классахъ общества человѣческаго по примѣрамъ, находящимся передъ нашими глазами, мы готовы сомнѣваться въ существованіи Поэта, который, родившись подъ соломенною кровлею и бывши почти всю жизнь свою мызникомъ, заставлялъ, раскаяваясь, говорить Музу свою голосомъ нравственности столь тор-

жественной, уѣднительной и чистой. Но Шотландскіе нравы представляютъ картину еще болѣе изумительную. Это весь пылъ южныхъ страстей, привыкшихъ къ суровому небу! Страстная дружба, живая, глубокая ненависть, необузданная любовь, поэтическій и музыкальный инстинктъ, общественные привычки Провансальскихъ крестьянъ даже въ быстрой пляскѣ: все это встрѣчаете у жителей горъ и долинъ, на сѣверъ отъ свѣтлой Твиди. Въ нихъ узнаете людей Галлійскаго и Цельтическаго поколѣній, давнихъ утѣснителей сихъ пустынныхъ странъ, навсегда отдѣленныхъ силою битвъ и могуществомъ нравовъ отъ Германскаго поколѣнія, населившаго Англію. Если характеръ сей видѣнъ сильнѣе въ дикихъ нравахъ Горцевъ, Highlanders, то онъ сохранился не въ столь разительныхъ, но болѣе прелестныхъ отѣнкахъ жителей долинъ, или Low-landers.

Сіи послѣдніе украсили деревенскій бытъ свой всѣми прелестями усовершенствованнаго просвѣщенія. Приходскія училища, учрежденныя въ 1646 году Шотландскимъ Парла-

ментомъ, уничтоженныхъ Карломъ II-мъ, и
возстановленные въ 1696 году, доставляютъ
всякому отцу семейства средство, дать перво-
начальное, не дорогое воспитаніе своимъ
дѣтямъ: за шесть шиллинговъ въ годъ, учи-
тель обучаетъ каждого изъ воспитанниковъ
Англійскому языку, за десять шиллинговъ Ла-
тинскому языку и Ариѳметикѣ. Строгій Каль-
винизмъ, заставляя каждого отца семейства
быть духовнымъ наставникомъ своего семей-
ства, придалъ нравамъ какую-то силу и
оттѣнокъ Пуританства. Стѣсненные узы се-
мейственные усиливаютъ у нихъ любовь къ
родной странѣ. Продолжительныя между-
усобныя войны Шотландскія, кровавыя, ужас-
ныя, но безкорыстныя; далекая тѣнь народ-
ной, отдѣльной независимости, всегда
драгоцѣнной для нихъ, если не какъ надежда,
то какъ воспоминаніе; уваженіе къ женщина-
мъ, сдѣлавшимся для Шотландцевъ предме-
томъ романическаго обожанія; древняя
склонность къ музыкѣ и танцамъ, тщетно
угнетаемая Пресвитеріанскою церковью;
любовь къ своей сторонѣ, оживляемая и
соединеніемъ идей, плѣняющихъ сердце, и

старинною мелодією народныхъ балладъ, повторяемыхъ дикимъ эхо, и магическими именами Валласа и Брюса; наконецъ, живописное очарованіе страны, разнообразной, обильной событіями, развалинами и воспоминаніями: все это, столь живо отражающееся въ прелестныхъ стихотвореніяхъ Борнса, смѣшанно находится въ нравахъ его соотечественниковъ. Видя въ хижинѣ своего отца самый трогательный примѣръ патриархальной жизни, Робертъ Борнсъ изобразилъ его въ небольшой поэмѣ, исполненной красотъ совершенно оригинальныхъ: это *Субботній вечеръ сельскаго жителя* (The Cotter's saturday Night), переведенный нынѣ Г-мъ Козловымъ, подъ заглавіемъ, означеннымъ въ началѣ сей статьи. Подлинникъ сего сочиненія написанъ равными строфами, элегическимъ рифмою, который ввелъ въ употребленіе Спенсеръ и которымъ столь счастливо пользовался Лордъ Байронъ, чтобы надлежащимъ образомъ судить о переводѣ Г-на Козлова, вспомнимъ, что Борнсъ былъ поэтъ возвышенный, пламенный, падшій наконецъ подъ ударами судьбы, бросившей его не

въ то состояніе, къ которому онъ принадлежалъ умомъ, душою и воображеніемъ. Онъ на всю жизнь остался человѣкомъ бѣднымъ, это правда; онъ не могъ перейти въ достойное его общество, не имѣлъ силъ поддержать маленькое хозяйство свое, когда Муза его подарила ему нѣсколько сотъ Фунтовъ стерлинговъ; но онъ понималъ всѣ нѣжнѣйшія ощущенія, чувствовалъ какъ поэтъ, а званіе поэта не терпитъ Аристократства. Если вообще не нужно быть Лордомъ или Коллежскимъ Ассесоромъ, для того чтобы возвышаться духомъ надъ окружающими насъ, большею частію мѣлкими, ничтожными современниками, то для поэта еще менѣе нужны общественные классы. Сила генія находится въ немъ самомъ, а не въ почетномъ блескѣ, окружающемъ его вещественность. Кажется, Г. Козловъ упустилъ изъ виду это различіе, и почелъ Борнса простымъ крестьяниномъ, который *между прочимъ* напѣваетъ на поэтической свирѣлкѣ. Это почитаемъ мы главною ошибкою Русскаго перевода, ибо онъ напоминаетъ намъ не пламеннаго Пѣвца Шотландіи, сторѣвшаго въ огнѣ страстей, а простаго посе-

лянина, очень мило рассказывающаго о своемъ сельскомъ бытѣ. Можно даже предположить, что Г. Козловъ, переводя Борнса, помнить о нашемъ Слѣпушкинѣ и подѣ напѣвы сего послѣдняго хотѣлъ передать намъ глубокой чувствомъ, пѣснопѣнія Шотландскаго поселянина. При всемъ уваженіи нашемъ къ таланту Г-на Слѣпушкина, мы никакъ не рѣшимся сравнивать съ нимъ Борнса, даже потому, что одинъ изъ нихъ былъ крестьянинъ Шотландскій, а другой Русскій. Читатели видѣли выше сего изображеніе быта Шотландскихъ крестьянъ, и могутъ судить о различіи онаго съ бытомъ крестьянъ нашихъ. Они знаютъ жизнь Слѣпушкина и читали выше сего описаніе жизни Борнса. Есть ли хоть малѣйшее сходство между сими двумя Поэтами? Не забудемъ, что поэтъ выражаетъ себя и въ жизни, такъ-же какъ въ сочиненіяхъ. Не понявъ характера Борнса, Г. Козловъ представилъ его намъ въ превратномъ видѣ. Послушаемъ Г-на Переводчика:

*Ноябрь шумитъ; въ поляхъ метель и вьюга;
Ненасный день сталъ меркнуть*

за горой;
Ужь отпряженъ усталый быкъ
отъ плуга
И, весь въ пыли, онъ тащитъ до-
мой.
Поселянинъ скорѣй спѣшитъ съ
работы;
Съ недѣлею окончаны заботы;
Его соха, и ломъ, и борона,
И сбруя вся въ порядкѣ убрана;
Онъ веселитъ свое воображенье,
Что радостно начнется воскресе-
нье;
И чрезъ лѣсокъ, въ уютный доми-
къ свой,
Идетъ къ семьѣ, на отдыхъ и по-
кой.

Стихи гладки; но по прочтеніи ихъ, ничего не остается въ душѣ. Читателя поражаетъ только несообразность: какимъ образомъ, въ *Ноябрѣ*, когда въ поляхъ метель и вьюга – быкъ въ пыли?.. это произошло отъ того, что Переводчикъ не близко держался подлинника, гдѣ не только нѣтъ сей несообразности, но, напротивъ, въ цѣлой строфѣ блещетъ высокая, пламенная поэзія. Мы страшимся исказить прелестные стихи Борнса прозаически-

мъ переводомъ, но, чтобы оправдать и его, и свои слова, передаемъ читателямъ смыслъ вышеприведенной строфы:

«Слышу гнѣвный стонъ ледянаго Ноябрьскаго вѣтра. Ночь. Она спѣшитъ и оканчиваетъ слишкомъ краткіе часы зимняго дня. Быки, *покрытые п_о_томъ*, запачканные своею работою, идутъ отъ плуга. Въ воздухѣ, вороны поднимаются черными рядами, темнѣетъ небо и на старыхъ дубахъ ищутъ сна. Приближается бѣдный мызникъ: недѣля кончилась для него; утомительная работа дастъ ему успокоиться одинъ день; какое счастье! Завтра онъ будетъ наслаждаться отдыхомъ. Онъ собираетъ земледѣльческія орудія, бороны, заступы, желѣза сохи: эта тяжесть легка; завтра онъ надѣется провести спокойное утро, и, радостный, хотя и утомленный, проходитъ черезъ открытыя поля, попираетъ ногами кустарникъ и направляетъ шаги свои къ дыму своей хижины.»

Картина совсѣмъ не та!... Даже, осмѣливаемся сказать, въ прозаическомъ переводѣ видѣнъ другой характеръ стихотворенія, болѣе похожій на характеръ

подлинника.

Намъ могутъ возразить, что Г. Козловъ не хотѣлъ близко подражать подлиннику и оградилъ себя словами: *вольное подражаніе*. Но съ этимъ не лѣзя согласишься. Какъ-бы ни называлъ нашъ поэтъ переводъ свой, онъ остается въ равной отвѣтственности передъ читателемъ, ибо обязался передать ему Борнса. Мы не привязываемся къ словамъ, хотя изъ приведеннаго мѣста читатели видятъ, что въ Русскомъ переводѣ есть пропуски и переиначиванья; мы говоримъ только что онъ не передалъ намъ *характера* Борнсовою поэзіи, а этого мы столько-же въ правѣ требовать отъ подражанія, какъ и отъ ближайшаго перевода. Скажемъ болѣе: мы почитаемъ ошибкою тотъ способъ перевода, который называютъ у васъ подражаніемъ: или пишите свое, или точно передавайте избранный вами подлинникъ; иначе, я не узнаю ни васъ, ни чужеземнаго поэта. Вотъ почему мы почитаемъ себя въ правѣ судить о стихотворномъ подражаніи какъ о переводѣ, и вотъ почему мы не совершенно довольны переводомъ Г-на Козлова.

За *Субботнимъ вечеромъ*, въ книжечкѣ Г-на Коздова напечатанъ переводъ другаго стихотворенія Шотландскаго поселянина: *Къ полевой маргариткѣ, которую Робертъ Борнсъ, обрабатывая свое поле, нечаянно срѣзалъ желѣзомъ сохи, въ Апрѣль 1786.* Это прелестное стихотвореніе болѣе сохранило въ Русскомъ переводѣ свою первобытную свѣжесть и красоту. Въ немъ Борнсъ виднѣе и понятнѣе для Русскаго читателя, чѣмъ въ переводѣ предъидущей пьесы.

Поэзія Борнса весьма разнообразна. Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ его господствуетъ неподражаемый юморъ Шотландскихъ поселянъ; таковы: *Молитва лицемѣра* (Holy Willie's prayer), *Посланіе къ дьяволу* (Address to the De'il), и проч. Въ другихъ онъ возносится до высокой, строгой поэзіи, гдѣ звучность стиховъ соотвѣтствуетъ силѣ мыслей. Одно изъ замѣчательнѣйшихъ стихотвореній его въ семь родѣ есть: *Сѣтованіе Маріи Стюартъ при возвращеніи весны.*

Искренно благодаря Г-на Козлова за его желаніе познакомить насъ съ однимъ изъ поэтовъ Великобританіи, скажемъ, что въ из-

данной имъ нынѣ книжкѣ, мы всего болѣе были услаждены Посланиемъ къ Ал. Ан. В... к-вой. Поэтъ пишетъ къ ней, и вдругъ узнаетъ, что, она уже не существуетъ для здѣшняго міра. Это посланіе напечатано впереди об-ихъ упомянутыхъ стихотвореніц. Вотъ оно:

*Была пора, лучъ ясный въ ней
сіялъ,
Я сердцемъ жилъ, я радостью ды-
шалъ,
И жизнь моя играючи летѣла.
Тѣ дни прошли; одѣта черной
мглою,
Въ моихъ очахъ природа
потемнѣла;
Кругомъ гроза; но ты была со-
мною,
Моя судьба душой твоей
свѣтлѣла!
Мнѣ замѣнилъ твой дружескій
привѣтъ
Обманъ надеждъ и блескъ веселы-
хъ лѣтъ.
Забылось все. Какъ плѣнники въ
неволѣ,
Привыкнулъ я къ моей угрюмой
долѣ;*

Она (скажуль?) мнѣ сдѣлалась ми-
ла:

Меня съ тобой она, мой другъ, све-
ла,

И, можетъ быть, не даромъ мы
узнали,

Какъ много есть прекраснаго въ
печали!

Теперь съ тобой надолго разлу-
ченъ,

Но дружбою, но памятью твоею
Какъ воздухомъ душистымъ окру-
женъ,

Я чувствовать и думать не умѣю,
Чтобъ чувствъ и думъ съ тобой
не раздѣлять.

Стѣсненъ-ли духъ отъ мрачныхъ
впечатлѣній,

Горитъ-ли онъ въ порывахъ
вдохновеній,

Могу-ль тебя, могу-ль не вспоми-
нать?

Въ умѣ моемъ ты мыслию высо-
кой,

Ты въ нѣжности и тайной и глу-
бокой

Душевныхъ чувствъ, и ты-жь въ
моихъ очахъ,

Какъ яркая звѣзда на темныхъ
небесахъ.

Я ждалъ ее, я мчался къ ней ду-
шою,

Я для нея сквозь слезы пѣсни пѣлъ,
Я пѣлъ – она была ужь не земною,
Звукъ томныхъ струнъ, онъ къ
ней не долетѣлъ!

Тиха ея далекая могила,
Душа свѣтла въ надзвѣздной сто-
ронѣ:

Но сердце тѣхъ, кого она любила...
Святая тѣнь! молися обо мнѣ...

Такіе стихи трогаютъ душу, и долго оста-
ются въ ней, какъ символы прекраснаго, не
земнаго!...

N. N.

«Московскій телеграфъ», 1829, ч. XXVIII, No
14.